

МАКБЕТЪ.

Заскрипѣли тяжелыя желѣзныя ворота, и я вѣѣхалъ на пространный дворъ замка Шотландскаго Лорда Грифбурна, безлюдный, заросшій травой. Подѣѣхавши къ площадкѣ, предъ входомъ, выпланной дикимъ камнемъ, я вышелъ изъ коляски, и подходя ко входу, встрѣченъ былъ спарикомъ высокаго роста, который, снявъ съ сѣдой головы своей шапку, и поклонившись почтительно, повелъ меня вверхъ по широкой лѣспницѣ, украшенной мраморными львами и другими изваянїями. Мы вступили въ переднюю, довольно пространную; и пройдъ попомъ еще три комнаты, вступили въ четвертую, большую, украшенную произведенїями живописи и ваянїя. Во всю ея длину она была

раздѣлена на двѣ половины; ибо за диваномъ между двумя прекрасными колоннами, промежутокъ коихъ закрытъ былъ со вкусомъ убраннымъ завѣсомъ темно-зеленаго цвѣта, и за книжными шкафами, посвященными по обѣимъ сторонамъ дивана такъ, что между ими и диваномъ оставался просторный проходъ, закрываемый также шпюфными занавѣсами, находилось второе отдѣленіе, въ которомъ стояла хорошо убранныя кровать и все для отдохновенія нужно; коротко сказать, спальня и гостиная были прекрасно соединены. Мебель — кресла, стулья, зеркала, столы — была хороша, но стариннаго вкуса. — Эту комнату назначилъ Лордъ, сказалъ спарикъ, для благородныхъ путешественниковъ; онъ васъ, милоспивый государь, зависитъ едѣсь расположиться. Если вамъ что нужно будетъ, то благоволишь дернуть за сію кисть; онъ нее проведенъ въ мои покои колокольчикъ; наша обязанность дѣлать вамъ угодное. — Съ этими словами спарикъ вышелъ; я благодарилъ его, мысленно и благороднаго Лорда, который, зная упомянутое путешествіе по гористой Сѣверной Шот-

ландѣн, благоволилъ устроишь столь прелестное приспанище для отдохновенія. Замокъ находился на горѣ, и видъ изъ оконъ моей комнаты былъ восхищительный. Послѣдніе лучи заходящаго солнца изливали на дикую природу какой-то очаровательный свѣтъ.

Отдохнувъ нѣсколько на диванѣ, когда уже подали свѣчи, я только что хотѣлъ дернуть за кисть въ помѣ намѣреніи, чтобы удовлестворить свое любопытство относительно сего замка и его владѣтеля, какъ вошелъ мой человѣкъ съ докладомъ, что Мистрисъ Биллингсъ желаетъ со мною видѣться. — Кто такая эта Мистрисъ Биллингсъ? спросилъ я. — Каспеланша, сударь, супруга того, котораго васъ встрѣтилъ. — Проси! — Человѣкъ отворилъ дверь и вошла Мистрисъ Биллингсъ, дама довольно высокая и полная, но не довольно молодая; одѣтая просто, но прилично; ея плащъ оплачалось особенною бѣлизною. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій мы вступили, сѣвши на диванъ, въ разговоръ, и я узналъ: что Лордъ Гриффбурнъ, лишившись своей супруги, года три предъ симъ, отправилъ дѣтей своихъ, двухъ

дочерей и одного сына, въ Лондонѣ на воспитаніе, самъ же пустился путешествовать по всей Европѣ, и нынѣ находится въ Италіи; что онъ до кончины супруги своей, которую страстно любилъ, жилъ почти безвыѣздно въ своемъ замкѣ, роскошно и весело; что по его приказанію опведены сіи покои для благородныхъ путешественниковъ; что имъ (т. е. ей и ея мужу) поручено смотрѣніе за замкомъ; что сей замокъ чрезвычайно великъ, и заключаеиъ въ себѣ много любопытнаго. — А эша дверь куда ведетъ? спросилъ я. — Тутъ Макбетова комнаа, отвѣчала она. — Нельзяли, Мисприсъ, посмотреиъ? спросилъ я, подспрекаемый любопытствомъ. — Ключи отъ сей двери не у насъ, сказала она, и смотрѣніе за сими комнаами поручено не намъ, а Г. Гоуну, который вчера поѣхалъ въ Инвернесъ, а завтра къ вечеру будетъ домой. — Позвольте спросиъ, Мисприсъ, кто эиотъ Г. Гоунъ? — Г. Гоунъ, отвѣчала она, другъ и пріятель Лорда, живетъ уже давно здѣсь, и какъ онъ человекъ высокаго образованія и глубокой учености, истинный Англичанинъ, то Лордъ, страстно любившій искусства, пользо-

вался всегда его совѣтами при выполненіи своихъ идей, и при опѣвѣдѣ своемъ поручилъ ему и ключи и смотрѣніе за всѣми драгоценностями въ замкѣ. — Долго ли мнѣ позволено будете здѣсь пробыть? спросилъ я. — Сколько вамъ угодно будетъ, и если вы интересуетесь Г. Гоуномъ, то можете завтра съ нимъ познакомиться. — Мы распались. Я рѣшился дожидаться Г. Гоуна, легъ въ постель и съ мыслями о Макбетѣ и Шекспирѣ заснулъ. Какъ я сюда заѣхалъ, о томъ расскажу въ другое время.

Нѣтъ, Г. Гоунъ, сказалъ я; я вашимъ вылазкамъ и нападеніямъ на Шекспира не вѣрю. Если сравнить плоскость замѣчаній, вами сдѣланныхъ, съ идеальнымъ воззрѣніемъ вашимъ на Поэзію вообще, и разсматривая ихъ въ томъ свѣтѣ и колоритѣ, въ которомъ вы ихъ представили, то всѣ ваши рѣчи одна только ѣдкая иронія, не на Шекспира, но на тѣхъ, которые, думая, что поэзію можно заключить въ правила и сунуть въ карманъ, въ нападеніяхъ своихъ на

Шекспира являюся поборниками ужасной Ан-
 ти - Поэзіи. Въ Германіи уже давно признали
 достоинство Шекспира, нынѣ ведутъ войну за
 него и во Франціи. Не ужели, послѣ всего,
 что въ Англіи сдѣлано для прославленія без-
 смертнаго поэта, сего Генія Британскаго остро-
 ва, можетъ быть еще хоть одинъ человѣкъ въ
 Британніи, имѣющій право называть себя въ
 полномъ смыслѣ слова образованнымъ, который
 бы не благоговѣлъ къ Шекспиру? — быть не мо-
 жетъ. А если вы употребили такую уловку
 единственно для того, чтобы вывѣдать мои
 мысли, то трудъ вашъ былъ напрасный. Вы
 меня не знаете. И какъ вамъ м.н.я знать, ког-
 да знакомство наше не старѣе одного дня? Я
 догадываюсь, для чего вы затрудняетесь вести
 меня въ Макбетову комнату. Вамъ конечно
 прошивно было бы разсуждать о семъ един-
 ственномъ твореніи съ человѣкомъ, который
 бы имѣлъ о Шекспирѣ нѣкоторыя понятія, кои
 вы съ такою неподражаемою ироніею из-
 ложили. Если же вы говорили прямо, а
 не иронически, то пойдемте, Г. Гоунъ, я
 личноспрашу научу васъ почищать вашего еди-

ноземца, которымъ Англія гордится. А если вы лучшее свое знаніе скрываете подъ личиною плоскості, то вы по крайней мѣрѣ увидите, справедливо ли я дѣлаю, что я время свое посвящаю многообразному, неисчерпаемому, великому Шекспиру? н. е. къ нему, къ его искусству и его міру, отношу всѣ свои изученія; увидите, справедливо ли мое мнѣніе, что никто такъ не способенъ, какъ Шекспиръ, сохранить въ насъ стремленіе ко всему доблестному и изящному. И если пламя юности, которое вѣчно горитъ въ груди любимцевъ природы — поэтовъ, на дальнѣйшемъ поприщѣ жизни въ проспыхъ смертныхъ попухаетъ, подавленное прозою обыкновенныхъ дней, то онъ благотѣпелнымъ огнемъ своимъ согрѣваетъ и душу и сердце; идеи его оплодотворяютъ мыслящую силу человека; возжигается новая жизнь, и къ его волшебному міру пилигримствуемъ мы, какъ въ обѣщанную землю, гдѣ жизнь, волнуемую наслажденіями и спораданіями, щастьемъ и нещастьемъ, обтекаютъ ясный день и пенная ночь, и гдѣ вѣчная мысль о благости Провидѣнія, какъ въ безмятежномъ эфирѣ, горитъ

ярко и спокойно, подобно лампадамъ небесной шверди.

Г. Гоунъ протянулъ ко мнѣ руку, говоря, устремивъ на меня свои большіе глаза: я долженъ бы у васъ просить извиненія, но не знаю, кто изъ насъ двухъ припворялся, я ли, учиняя нападенія на Шекспира, или вы, копорые до сихъ поръ молчали, а теперь излили свои мысли и чувства, какъ выступившая изъ береговъ своихъ рѣка, или какъ пріятная каскада вдругъ вырвавшаяся изъ безмолвной своей скалы. Впрочемъ вы въ своей догадкѣ не ошиблись. Мнѣ случалось показывать Макбетову компанію людямъ, копорые вмѣсто того, чшобы насладаться искусствомъ и поэзіей, радовались только живости картинъ и красокъ; другіе, коворя перушкомъ въ зубахъ, то то не одобряли, то другое, или занимались только золотыми рамами, въ полчаса пробѣгали весь рядъ картинъ, и уже пресыщенные спѣшили оставить комнату. Наскучивъ такими посѣщителями и нелюбою крипикою, я рѣшился, отворяя сію дверь только для того, копорого я напередъ испыталь. Избранное мною средство меня избавляло

всегда опѣ людей, не достойныхъ, чѣобы съ ними бесѣдовавъ о Шекспирѣ; двери сей я имѣ не отворялъ и оставлялъ ихъ въ западнѣ, въ копорую они попадали. Изъ чего вы видите, что не всѣ такъ называемые образованные люди въ Англіи, да я думаю и въ другихъ земляхъ, знаютъ Шекспира. Въ теченіе сихъ прехъ лѣтъ, я только прижды оппиралъ сѣю дверь, два раза для людей, копорые опбили у меня охоту съ подобными имѣ имѣтъ дѣло, и заставили меня выдумать оную западную; въ прешій разъ отворялъ для одного Нѣмецкаго Ученаго, съ копорымъ я истинно наслаждался искусствомъ, и могу сказать, что не мало опѣ него позаимствовался. Вы, кажется, другой, для копораго я съ удовольствіемъ оппиралъ дверь. Но напередъ долженъ вамъ сказать, что какъ я хозяинъ, а вы гость, то на сей разъ предоставьте мнѣ быть вашимъ Чичероне. Лордъ былъ обожатель Шекспира; на театръ его представляемы были преимущественно Шекспировы пѣсы, копорыя онъ заставлялъ актеровъ своихъ изучивать со всею возможною точностію, стараясь доводить игру актеровъ

и представленіе пїэсѣ до возможнаго совершенства. И должно признаѣся, что старанія его не безуспѣшны были. Супруга его, такая же обожательница Шекспира, возбудила въ немъ мысль, представишь лучшія пїэсы его въ картинахъ. Приглашены были въ замокъ лучшіе живописцы, начертили планъ, и не болѣе какъ въ два года, Макбетова комната сдѣлалась достопримѣчательностію замка. Карпины всѣ въ богатыхъ позолоченныхъ рамахъ, всѣ равной величины, каждая покрыта зеленымъ занавѣсомъ, который посредствомъ пружины, навѣшываясь на скалку, поднимается вверхъ. Карпины размѣщены по спѣнѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ сценъ, и многія отлично хорошо написаны. Каждая картина представляеѣ моментъ сцены; сей моментъ назначаемъ былъ самимъ Лордомъ. Сїи моменты, говаривалъ Лордъ, открываютъ весь ходъ пїэсы. Мыслящій зритель, читавшій Шекспира не въ просонкахъ, припомниѣ все предшествовавшее таковому моменту, которое относительно слѣдующихъ сценъ есть и послѣдующее предидущаго момента; и такимъ образомъ связь дѣлается не-

прерывною. — Теперь я, кажется, все сказалъ, что вамъ нужно было предварительно знать. Если угодно, то пожалуйте.

Постойте, Г. Гоунъ, одну просьбу! сказалъ я. Мнѣ теперь не до живописи! а по сему прошу, чтобы вы распространяли свои замѣчанія или объясненія не на картины, не на искусство въ живописи, въ какомъ случаѣ мы занимались бы живописцемъ, а не Шекспиромъ; но пусть картины служатъ вамъ только нитью для изложенія самой трагедіи, коей удивительная ткань меня уже давно занимаетъ. Упомяните о кисти и искусствѣ живописца сколько вамъ нужнымъ покажется, а прочее,—по крайней мѣрѣ, на сей разъ — предоставьте моимъ собственнымъ глазамъ.

Искусства, сказалъ Г. Гоунъ, тѣсно между собою связаны; поэтъ Шекспиръ—живописецъ; такъ какъ живописецъ, который въ состояніи на холстѣ кистью и красками выражать идеи Шекспира, долженъ быть непременно поэтомъ. Но, извольте, я желаніе ваше исполню по возможности, предоставляя себѣ удовольствіе въ другое время обратить ваше вниманіе на пер-

спективное искусство Шекспира, если вы въ
оное еще не вникли.

Сказавши сие, Г. Гоунъ позвалъ человека, отперъ дверь и велѣлъ зажечь лампу. Когда все было готово, онъ меня просилъ войти. Я вступилъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ въ сей храмъ искусства, освѣщенный большою шаровидною лампою, спущенною изъ средопочія плафона, и изливавшею нѣжный свѣтъ, особенно на полукруглую стѣну, на которой находились картины, покрытыя зелеными своими занавѣсами. Простѣнки противулежащей прямой стѣны убраны были чернымъ апласомъ и полъ покрытъ былъ темнымъ ковромъ. Впечатлѣніе удивительное! два кресла поставлены были противъ картинъ, такъ, что сидящій весьма удобно обозрѣвать могъ весь рядъ. Я сѣлъ въ одно кресло.

И такъ, сказалъ Г. Гоунъ улыбаясь, мы будемъ заниматься только поэтомъ и его искусствомъ, и подошедши къ первой картинѣ, висѣвшей на первомъ мѣстѣ по лѣвую руку, открылъ занавѣсъ и началъ такъ:

I.

Взгляните на сію дикую степь! природа въ грозномъ видѣ! Тучи громовыя покрываютъ мракомъ всю страну, и только молнія, раздирающая небо, изливаетъ мгновенный свѣтъ, озаряющій вдали при фигуры, конхъ безобразіе и страшный видъ возбуждаютъ догадку, что онѣ не сего міра существа. Это изчадія ада рвшающія погибель Макбета.

Въ какой степени удалось воображенію живописца изобразить сію сцену, разсмапривать не буду. Обратимся къ поэту. Замѣчательно, что Шекспиръ, который всегда съ геніальнымъ искусствомъ и спараніемъ приготавливаетъ зрителя на явленіе привидѣній, здѣсь не только безъ всякаго приготовленія, но даже и въ самомъ началѣ, показываетъ намъ адъ. Вспомните, какими средствами онъ возбуждаетъ въ насъ страхъ и любопытство видѣть духъ Гамлета! вспомните явленія въ Бурѣ, въ Цесарѣ. Здѣсь нѣтъ ни предварительныхъ указаній и намѣковъ, ни прерваннаго повѣствованія, ни музыки и проч. Непосредственно являющіяся предъ нашимъ взоромъ представительницы ада,

и мы въ самомъ началѣ должны пріучиниться видѣть въ нихъ движущую силу драмы. Имя Макбетъ, ими произнесенное, означаетъ несчастную жертву, и уже заражается въ насъ предчувствіе чего-то ужаснаго, вмѣстѣ и сожалѣніе съ жерявою, копорой мы еще не видѣли, но копорую мы, видя вооружающійся пропивъ нее адъ, должны полагать значительною. Ожиданіе наше видѣть великаго человѣка и его борьбу, ужасъ возбуждаемый коварнымъ погубленіемъ и состраданіе къ человѣку — вспрѣчаютъ Макбета.

Можно замѣтить, что такимъ образомъ Макбетъ дѣйствовалъ невольно, и по сему несправедливо позѣтъ подвергается его всѣмъ несчастіямъ. Это замѣчаніе весьма поверхностное. Человѣкъ нравственно свободенъ; и сія нравственная свобода спасаетъ человѣка только тогда, когда она совершенно ограничена законами; безъ закона нѣтъ свободы. Усовершенствовавъ свободу т. е. ограничивъ ее во всѣхъ отношеніяхъ нравственными законами и хотѣвъ только того, что сіи законы повелѣваютъ, это есть долгъ всякаго человѣка. Шекспиръ въ Мак-

бестѣ представляеть бореніе, въ которомъ свобода, не усовершенствовавшаяся еще въ самой себѣ, погибаетъ и дѣлается добычею необходимости. Сіе послѣднее не доказываетъ однако превосходства судьбы, но только опасность неполной и не утвердившейся свободы въ чловѣкѣ, коюпора, въ такомъ случаѣ, необходимо подавляема судьбою. Познѣ вездѣ указываетъ, что Макбетъ ни чуть не долженъ былъ, по тому что судьба хотѣла, но что онъ палъ, потому что не довершилъ своей свободы. И дѣйствительно, можно ли винить судьбу, если мы, преплывая мимо сладкогласныхъ Сиренъ, не слѣдуемъ примѣру умнаго Улисса? Все зависѣтъ отъ нашей воли; и всякое отступленіе отъ нравственнаго закона дѣлаетъ насъ виновными; обольщенія смягчаютъ только, а не уничтожаютъ вину. Выступивъ изъ границъ свободы, мы подпадаемъ подъ власть необходимости. *Suae quisque fortunae faber. Suam quisque culpam in fortunam transferimus.*

Знаю также, продолжалъ онъ, что Французскіе Крипики безъ милосердія крипикують привидѣнія, являющіеся на сценѣ; и явленія

* 2

жертвыхъ, понятія объ адѣ у нихъ — Это было, прервалъ я его. Теперь и Французы начинаютъ поспигать и уважать Шекспира. Загляните въ лекціи славнаго Вильмена. — Знаю, знаю, сказалъ онъ и улыбнулся. Потомъ, помолчавъ не много, спросилъ меня: да вы читали Вильмена? и не дождавшись отвѣта продолжалъ: я вамъ скажу. Г. Вильменъ — сей часъ! — Видѣли вы Апопсозу Шекспира начертанную Речемъ? Орелъ съ распростертыми крыльями — можетъ быть, одинъ изъ пѣхъ двухъ, которые облекая земной шаръ, слетались въ Дельфахъ, какъ средопочіи земли — парилъ, неся на себѣ сидящаго на тронѣ Шекспира, къ небсамъ. Не чувствуя бремени имъ несомаго, онъ обратилъ взоръ свой къ безсмертному поэту, и въ созерцаніи его забылъ сосудъ съ амброзѣй, который подносятъ ему Геба или Ганимедъ. Поэтъ спилъ, имѣя предъ собою на колѣняхъ своихъ открытую книгу, но онъ спилъ сномъ легкимъ, преисполненнымъ внутреннихъ видѣній. Тронъ съ обѣихъ сторонъ поддерживаемъ двумя изображеніями Природы, подобными древнему изображенію великой мапери вещей.

(Magna mater rerum), съ пою, однако разницею, что шупъ изъ рукъ обѣихъ фигуръ исходитъ электрическое пламя, символъ новой Физики и новыхъ созерцаній міра, знаменуя характеръ новаго времени, споль опличнаго опъ характера древности, знаменуя сошеспвіе духа и восхищеніе, возвышающее и возжигающее внутреннюю жизнь. Фанпазія восхищеннаго пѣвца оплодворяется только созерцаніями природы, и ея зеркало дѣлается только чрезъ его глубокий, пронизательный взоръ зеркаломъ волшебнымъ. Такъ и спящій Шекспиръ, держа въ правой рукъ перо, касается концемъ онаго главы одной изъ нѣхъ фигуръ. Звѣздный вѣнокъ, вѣнокъ безсмертія, держащъ надъ челою его, парящія надъ нимъ Музы, Мельпомена и Талія. Два Генія славы, у подножія прона, содѣйствуютъ быспрому полету. — Послушайте теперь, что Г. Вильменъ говоритъ о Макбетѣ. Онъ весьма наивно спрашиваетъ *Qu'est ce que cette pièce de Macbeth? quand a-t-elle été faite et pour quels spectateurs?* и опѣчиваетъ весьма замысловато: *pour l'Angleterre — pour une cour du XVI siècle, grossière et raffinée — pour un peuple fanatique* и пр.

Орелъ, погруженный въ созерцаніи Шекспира, позабылъ сосудъ съ амброзіей; а Г. Вильмену, краснорѣчивѣйшему судѣ 18-го сполѣнія, мерещется — Дворъ! И поэтъ Дворъ, и поэтъ народъ, которые постигали и восхищались изобретеніями Шекспира, онъ называетъ *grossière*? Сознаться должно, что Г. Вильменъ по крайней мѣрѣ — не орелъ. Онъ во всѣхъ возможныхъ оборотахъ, со всею тонкостью и ловкостью ума Французскаго осперегается, явно возмущая противъ предразсудковъ своихъ соотечественниковъ на счетъ Шекспира и поэзіи, и сколько онъ ни старается, при всемъ томъ, выказавъ свое знаніе, находящееся будто бы въ оппозиціи съ общимъ мнѣніемъ, однако — понятіе о Шекспирѣ пишущемъ для Двора — доказываетъ, что онъ еще не вознесся до чистой идеи поэзіи, и что въ немъ самомъ гложется еще старой школы ученіе: *le poëte doit plaire*, со всѣми послѣдствіями онаго. — Потомъ, описавъ суевѣріе Шекспирова вѣка, Г. Вильменъ продолжаетъ такъ: *Macbeth et Banquo traversent la bruyère, où se tiennent les trois fées infernales. Les voyez vous sous le pinceau*

du poëte? Quelles sont ces créatures si déchar-
nées et d'une forme bizarre? elles ne sont pas
semblables aux habitans de la terre, et pourtant
elles sont sur la terre и т. д. и потомъ восклицаетъ: Représentez vous, Messieurs, un *auditoire*
préparé par la superstition populaire, et conce-
vez la puissance prestigieuse d'un tel spectacle.
 Такъ это источникъ ужаснаго дѣйствія сей
 сцены? — Послѣ сего можно спросить, какое
 не только сѣя сцена въ особенности, но вся
 пѣса вообще, коей движущая сила, какъ я уже
 разъ сказалъ, есть адъ, какое она можетъ про-
 извести дѣйствіе и впечатлѣніе на зрителей,
 не вѣрящихъ собственно ничему? Послушайте,
 какъ они разсуждаютъ: Вся древность вѣрила
 въ привидѣнія и адъ. Слѣдовательно драмати-
 ческіе стихотворцы древности могли пользо-
 ваться симъ повѣрьемъ. Новѣйшій драматиче-
 скій стихотворецъ, поелику теперь въ приви-
 дѣнія и адъ никто не вѣритъ, сего права не
 имѣетъ; даже и въ томъ случаѣ не имѣетъ,
 если бы его пѣса относилась къ тѣмъ суевѣр-
 нымъ временамъ. Ибо драматическій стихотво-
 рецъ не историкъ; онъ не повѣствуетъ, что

когда-то по общему повѣрью было или случилось; но въ пѣсѣ его все предъ нашими глазами вновь совершается, совершается не для соблюденія исторической истины, но советѣмъ въ другомъ и высшемъ намѣреніи; историческая истина для него не цѣль, но средство для достиженія цѣли; онъ хочетъ чрезъ правдоподобіе пронуть. Слѣдовательно если правда, что мы теперь въ привидѣнія и адъ не вѣримъ; если сіе невѣрованіе должно неминуемо разрушить правдоподобіе; если безъ правдоподобія мы симпатизировать не можемъ, то нынѣшній драматическій поэтъ дѣйствуетъ противъ самаго себя, если онъ выводитъ на сцену такія сказки, и все искусство, имъ для сего употребляемое, тщетно. (*) — Слѣдовательно Г. Вильменъ напрасно восклицаетъ: *concevez la puissance prestigieuse d'un tel spectacle!* Для зрителей же вѣрящихъ ничему, *la puissance d'un tel spectacle est nulle.* Да и не въ спектаклѣ дѣло состоитъ. — На оное разсужденіе можно возразить: что для сего еще не возбраняется вы-

(*) См. Lessing Hamb. Dramat. Ч. I.

водить на сцену привидѣнїя; и сей источникъ ужаснаго и патетическаго для насъ не закрыть. Пошля сїя для Поэзіи была бы слишкомъ велика, и есть примѣры, что Геній, вопреки всей нашей Философіи, ужасаетъ наше воображеніе вещьми, которыя холодному разсудку кажутся достойными посмѣянїя. Мы не вѣримъ болѣе въ привидѣнїя? кто это говоритъ? или лучше сказать, что это значитъ? Развѣ это значитъ, что мы уже такъ просвѣщены, что можемъ доказывать невозможность оныхъ? что нѣкоторыя неопровержимыя истины, противорѣчащїя вѣрованїю въ привидѣнїя, сдѣлались столь общими и извѣстными, что и простолюдинъ противное оному долженъ непремѣнно считатьъ смѣшнымъ и нелѣпымъ? Это быть не можетъ. Слѣдовательно, мы не вѣримъ въ привидѣнїя, значитъ только то: въ семь дѣлъ, которое можно и защищать и опровергать, которое не рѣшено, и рѣшено быть не можетъ, нынѣшній образъ мыслей далъ перевѣсъ причинамъ отвергающимъ возможность привидѣній; не многіе такъ мыслятъ; многіе принимаютъ только видъ, какъ будто они сего мнѣнїя; и этакъ-то и кричатъ и предводи-

пелсвпвуютѣ; большая же часть молчитѣ и къ сему равнодушна, думаетѣ и такѣ и сякѣ, съ удовольствіемѣ слушаетѣ насмѣшки на щопѣ привидѣній — днемѣ; а ночью содрагаются при повѣспованіи о привидѣніяхѣ. Но такое невѣрованіе въ привидѣнія не можетѣ воспрепятствовать драматическому спихотворцу оными пользоваться. Сѣмя, изѣ котораго сіе вѣрованіе произраспаетѣ, находится во всѣхѣ насѣ. Зависитѣ только опѣ его испуства, чшобы сіе сѣмя прозябало. Если онѣ обладаетѣ симѣ искусствомѣ, то какѣ бы мы въ жизни ни думали; въ театрѣ мы должны вѣрить чему онѣ хочетѣ. Къ сему приевокупитѣ еще можно, что представленіе о соединіи душѣ по смерти всегда и у всѣхѣ народовѣ существовало и существуетѣ; только у каждаго въ другомѣ видѣ и колоритѣ. И въ театрѣ увлекаетѣ насѣ не представленіе ада, не явленіе какого-либо духа, которое, какѣ бы совершенно ни было, все остается только однимѣ оппическимѣ обманомѣ; что мы очень хорошо знаемѣ; но насѣ увлекаетѣ — идея; а сія не могла бы имѣть такой рѣшищельной силы, еслибѣ она не по-

кончалась въ глубинѣ души нашей и не сомле-
пена была со всею шканью нашего мышленія о
природѣ и человѣкѣ, о рожденіи и смерти, о
добрѣ и злѣ, о сей и будущей жизни. *There
are more things in heaven and earth, Horatio,
Than are dreamt of in your philosophy* (*),
говоришь Гамлетъ, и сими словами можно бы
привѣтствовать всю Философію, и все рѣшитель-
ное прозрачное просвѣщеніе нынѣшняго свѣ-
та, видящее всюду только тѣла, вѣрящее
только доказательствомъ осязательнымъ, и
опиосящее всю пневматофобію къ разспроисху
нервной системы и бреднямъ разгоряченнаго
воображенія.

Но для чего вмѣшивать адъ въ дѣла чело-
вѣческія? — Это вопросъ другой, требующій
глубокаго размышленія. Но есть дѣла въ жизни
человѣческой, которыя для насъ вовсе непо-
спижимы, если мы не представимъ себѣ оныя
внушенными какимъ-то злымъ духомъ, непри-
миримымъ врагомъ человѣчества. И дѣйстви-

(*) На небѣ и на землѣ есть много вещей, Гора-
цій, о которыхъ Философія вашей и не снится.

тсльно, когда человекъ благородный, герой, спаситель своего опшесства, вдругъ забываетъ все, честь, славу, добродѣтель, законъ человеческій и законъ Божій, и превращая гостепріимный домъ свой въ вершенъ разбоя, посягаетъ на жизнь законнаго своего Государя, своего родственника, добродѣтеля, слабаго спарца, посягаетъ чувствуя и поспигаая всю ужасность своего злодѣянія — и для чего? чтобъ быть сего дня вѣнценосцемъ, а завтра признашь, что жизнь есть сказка, которую глупецъ рассказываетъ, наполненная пустыми словами и высокопарностью ничего не значущаго — тогда нельзя не подумать, чтобы адъ иногда не вѣшивался въ дѣла человеческія. И если мы чорпа ежедневно встрѣчаемъ и въ малозначущихъ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, то поспѣ, для столь ужаснаго дѣла, имѣлъ неопредѣляемое право подвигнуть весь адъ.

II.

Сказавъ сіе, Г. Гоунъ прошелся скорыми шагами нѣсколько по комнапѣ; потомъ подошелъ ко второй карцинѣ, коей занавѣсъ под-

нялся вверхъ; если мы, продолжалъ онъ, на первой картинѣ встрѣпили адъ, то сдѣсь мы видимъ первое кольцо тѣхъ земныхъ происшествій, кои, соплещась одно съ другимъ, составили длинный рядъ злодѣяній и несчастій. Вдали виднѣнъ лагерь близъ Фореса. Впереди стоишь Король *Дунканъ*, по правую и лѣвую руку его сыновья *Малкольмъ* и *Доналбайнъ*; за ними *Ленокъ* и Королевская свита. Передъ Королемъ раненный воинъ, прислонившійся къ дереву. Не много далѣе *Россъ*. Взоры Короля и другихъ устремлены на сего послѣдняго.

Мирное царствованіе кропкаго Дункана нарушено войною съ мятежниками, коими предводителъствуетъ *Макдовальдъ*, взбунтовавшій противъ законнаго своего Государя значительную часть Шотландіи и множество острововъ, и подкрѣпленный нѣкопорыми народами Ирландіи. Противъ сихъ мятежниковъ посланъ съ войскомъ *Макбетъ*. Раненный воинъ, оставившій сраженіе, повѣствуетъ Королю о ярости битвы и *Макдовальда*, и о неустрашимомъ мужествѣ *Макбета*, врубившагося въ толпу непріятелей и собственною рукою отсѣкшаго

Макдугальду голову. Войско мятежниковъ уничтожено. Но не отдохнувъ еще отъ сего сраженія, Макбетъ долженъ въступить въ новую битву съ Королемъ Норвежскимъ, который, пользуясь обстоятельствами и подкрѣпляемый Таномъ Кавдорскимъ, высадилъ на берега Шотландіи въ Фейфширъ многочисленное войско. Воинъ кончилъ повѣствованіе, и ослабѣвшій отъ раны прислонился къ дереву, между тѣмъ какъ по приказанію Короля поспѣшили за фельшеромъ. Въ сіе мгновеніе является Танъ Россійскій, взоры Короля, ожидавшаго новыхъ извѣстій, устремлены на него. Россъ доноситъ, что Король Норвежскій, подкрѣпляемый измѣнникомъ Таномъ Кавдорскимъ, со всѣмъ войскомъ разбитъ, и что Макбетъ одержалъ полную побѣду. Король восхищенный подвигами своего полководца и уничтоженіемъ внутреннихъ и внешнихъ враговъ, признавая отличныя заслуги Макбета, повелѣваетъ казнить за измѣну Тана Кавдорскаго, и поздравить съ полученіемъ сего шансва Макбета. — Сія сцена, коей менѣе предшавленъ на сей картинѣ, какъ вы видите,

есть существенная. Она содержитъ историческую экспозицію всей пьесы.

III.

Взгляните теперь на сію картину, продолжалъ онъ, открывъ занавѣсъ. Та же дикая степь, какъ и на первой; и потѣ же грозный видъ природы. Впереди *Макбетъ*, подлѣ него *Банко*, указывающій протянутою рукою и перстомъ на тѣже чудовища ада, которыхъ мы видѣли на первой картинѣ, предпояція предъ ними въ паниквенной группѣ, каждое приложивъ костяной перстъ свой къ вѣлымъ губамъ. Онѣ привѣтствуютъ Макбета.

Сія сцена есть первый взоръ въ душу Макбета. Съ какимъ чувствомъ пришелъ онъ сюда? съ какимъ уходилъ отсюда? Сразившій пыскачелавую гидру мяпежа и крамолы, разбивши вѣшняго сильнаго врага, онъ является, направля въ сопровожденіи Банка путь свой къ Королю въ Форесъ, во всемъ величїи побѣдителя, какъ спаситель короны своего Государя, съ гордымъ чувствомъ, что онъ теперь впорое лицо въ Государствѣ. Сей моментъ его жизни

есть прекраснѣйшій; но такой моментъ въ жизни человѣческой бываетъ не рѣдко и опаснѣйшимъ. Какое смѣшеніе чувствъ, какое высокое, сладостное, мечпательное упоеніе должно теперь преисполнять его душу! Какая хитрость ада, пользующагося симъ самымъ мгновеніемъ, чтобы вовлечь его въ коварную борьбу! Представительницы ада привѣтствуютъ его торжественно: „Таномъ Гламисскимъ, Таномъ Кавдорскимъ, и будущимъ Королемъ!“ Макбетъ, только что совершившій чудесные подвиги, въ сіе мгновеніе конечно особенно расположенъ былъ, внимать чудесному. Пораженный несчастнымъ пророческимъ словомъ, онъ погружается въ думы, и предвѣщаніе дѣйствуетъ на его душу, какъ крѣпкое вещество вѣдается въ твердую мѣдь. На вызовъ Банка: „Если взоръ вашъ проникнетъ въ посты времени, и вамъ извѣстно, что будетъ, что нѣтъ, то вѣщайте и мнѣ!“ онъ ему пророческуетъ, что онъ будетъ ниже и выше Макбета; не такъ щастливъ, но щастливѣе! не королемъ, но родоначальникомъ королей — „Спойте, вѣщательницы, скажите мнѣ болѣе!“ восклицаетъ Макбетъ, пробудившись.

онѣ своихъ думъ, въ первомъ порывѣ любопытства, возбужденнаго спраннымъ предсказаніемъ, и размышляетъ уже о возможности исполненія первыхъ двухъ предвѣщаній, чрезъ что онѣ вступаетъ такъ сказать въ переговоры съ діаволомъ. Адскій посѣвъ въ душѣ его начинается прозябать. Чудовища исчезаютъ.

IV.

Четвертая картина, продолжалъ онѣ отдернувъ занавѣсъ, представляетъ посланныхъ отъ Короля, на семъ же самомъ мѣстѣ, приносящихъ Макбету отъ имени Государя и благодареніе за учиненные подвиги и поздравленіе съ полученіемъ Танспва Кавдорскаго.

Царедворцы Россѣ и Ангуся, высланные къ Макбету на встрѣчу, находятъ его на томъ же мѣстѣ немедленно по учиненіи предсказанія. Макбетъ не вѣритъ ихъ словамъ; но когда посланные его увѣдомляютъ, что Танъ Кавдорскій за измѣну свою уже казнень, и что, въ залогъ будущихъ милостей и наградъ, Государь жалуетъ его Танспвомъ Кавдорскимъ, и Банко восклицаетъ: „Какъ? діаволъ можетъ говорить

правду? “ тогда явное исполненіе первыхъ двухъ предвѣданій (Танспво Гламисское ему доставила смерть его отца) удаляетъ всякій страхъ, который могли бы поселить въ немъ слова Банка, наполняетъ его тайнымъ восхищеніемъ, и мы слышимъ изъ устъ его тихо изливающихся слова: „Танъ Гламисскій и Кавдорскій! высочайшее еще впереди! “ — Болѣе и болѣе спарается онъ привести въ порядокъ мрачныя и яркія свои мысли; но сіе неподвижное погруженіе въ думы—взгляните на картину!—возбуждаетъ вниманіе присутствующихъ, и когда ему о томъ напоминаютъ, то онъ чувствуетъ, что такая разсѣянность непростительна, и что въ пестрешихъ его обстоятельствахъ должна возбудить подозрѣніе. По сему онъ, отлично смѣлый воинъ, прибѣгаетъ къ грѣху, свойственному только малодушнѣйшимъ, .ко лжи, говоря, что онъ помышлялъ о минувшемъ. Ложь конечно безцвѣтная, но при всемъ томъ весьма значительная; ибо онъ помышлялъ о будущемъ. Не менѣе важно утѣшеніе, съ коимъ онъ прерываетъ свои размышленія. „Что будетъ, то будетъ! время и часъ пробѣгаютъ и суровѣйшій

день!“ Это утѣшеніе кажется мужественнымъ, и оно дѣйствительно внушено сердцемъ твердымъ, увѣреннымъ что можетъ все перенести. — Все! въ помѣ-шо и вся опасность. Мы должны признавать необходимость дѣйствительнаго, но мы не должны признавать необходимыми наши грѣхи и преступленія, даже и тогда, когда онѣ дѣйствительно свершились. Тупѣе же преступленіе и грѣхъ еще впереди; не менѣе того Макбетъ уже предчувствуетъ, что онѣ и сіе перенесетъ, поелику время и часъ пролетаютъ какъ яснѣйшій, такъ и суровѣйшій день! Что здѣсь не должно разумѣть опасенія другихъ приключеній въ жизни, само собою ясно; ибо такое опасеніе герою, одержавшему двѣ побѣды, чуждо.

V.

Пятая сцена въ Королевскомъ дворцѣ. Король въ присутствіи Макбета и своего Двора объявилъ старшаго сына своего Малкольма наслѣдникомъ престола и Принцемъ Кумберландскимъ. Макбетъ выходитъ. Король обращенъ къ Банко.

* 2

Съ живѣйшимъ чувствомъ того, что происходило на сценѣ, Макбетъ, сопровождаемый Банкомъ и поздравлявшими его царедворцами Россомъ и Ангусомъ, является предъ Королемъ, который, узрѣвая спасителя своего государства, съ глубочайшимъ чувствомъ признательности заключаетъ его въ свои объятія, и проливаетъ слезы радости и умиленія, прикинувшись къ груди его, — къ груди, въ которой уже гнѣздящаяся мысль о убійствѣ. Опыты Макбета, при всей благовидности, показываютъ какое-то спѣшеніе; Дункановой нѣжности онъ въ сіе мгновеніе не понимаетъ; онъ занятъ другими мыслями, и отвѣчаетъ фразами, которыми образованный человѣкъ въ большомъ свѣтѣ безъ всякаго опасенія употребляетъ можетъ, поелику онъ приспособленъ ко всемъ случаямъ. Можетъ быть ои самыя происшествія, которыя покрыли Макбета славою, заставили Короля, чувствующаго свою старость, помыслить, для блага спасеннаго государства, о назначеніи преемника престола, и въ ознаменованіе сего радостнаго дня, путь же, онъ объявляетъ старшаго сына своего Малкольма наследникомъ престола и

возводитъ его на достоинство Принца Кумберландскаго. Макбетъ, чувствующій себя впорымъ лицомъ въ государствѣ, пипающій, въ слѣдствіе пророчества, великія надежды, долженъ бытъ свидѣтелемъ сего акта. Назначеніе сына наслѣдникомъ споль естественнo и въ порядкѣ вещей, что должно было оное и безъ того предвидѣтъ, потому что оно само собою разумѣлось; но сей самый актъ, глубоко врѣзаясь въ его сердце, выводитъ его изъ адской сферы въ дѣйствительный міръ, и открываетъ ему всю ужасную пропасть, опдѣляющую его отъ престола. По сему-то любовь Короля и не достигаетъ до его сердца, и когда Король, въ радостномъ чувствѣ щастливаго дня, самъ называетъ къ нему, какъ къ другу своему, въ гости, и не довольствуясь нѣмъ, что осыпалъ его почестями, хочетъ ему дать еще ясное доказательство искренней своей любви, хочетъ съ нимъ пипъ изъ одной чаши и провести ночь подъ однимъ съ нимъ кровомъ, въ его домѣ, — Макбетъ, холодно отвѣчая, спѣшипъ удалиться; но мрачныя мысли не переснаютъ его превожипъ; и если онъ, стоя лицомъ къ Государю

своему, при объявленіи наслѣдника престола, долженъ былъ показывать видъ довольный, по крайней мѣрѣ не смущенный, но взгляните теперь на него, какъ онъ, опворопившись онъ Короля, уходитъ, шагами медленными, лицо его мрачно, глаза сверкающъ темнымъ огнемъ, правая рука сжата, и съ словами „Принцъ Кумберландскій!“ вспыхиваетъ въ немъ адское намѣреніе убіенія, между тѣмъ, какъ Король, обратившись къ Банко, превозноситъ похвалами его доблесть!

VI.

Шестая картина представляетъ Леди Макбетъ, въ ея покояхъ, съ письмомъ въ рукѣ, коимъ Макбетъ извѣстилъ ее о сдѣланномъ ему предсказаніи.

Если сіе предвѣщаніе дѣйствуетъ на душу Макбета, какъ крѣпкое вещество вѣдается въ мѣдъ, то относительно Леди Макбетъ оно уподобляется искрѣ, брошенной въ ящикъ съ порохомъ. Она вѣ себя, и чувствуя въ наспощемъ уже будущее, она рѣшительно помышляетъ о непреложномъ исполненіи пророчества.

Извѣщенная въ то же время и о прибытіи къ вечеру Короля, она видѣвъ судьбу несчастнаго Государя, и кровожадное ея сердце изливается въ слѣдующихъ, всю душу зрителья потрясающихъ словахъ: „Даже и воронъ охрипъ, возвѣщая роковое вступленіе Дункана въ наши стѣны. Спекайтесь вы, Духи, посягающіе кровожадныя мысли, лишите меня моего пола! исполните меня звѣрства и лютоспии! Сгустите кровь мою, и разкаянію заприите всѣ входы, дабы никакое содраганіе возвращающейся напурь не потрясло моего ужаснаго намѣренія, и не опдѣлило его миромъ отъ исполненія! Вы, Демоны смерпоубійства, невидимыя существа, коварные испребители жизни, спекайтесь сюда и молоко въ женскихъ грудяхъ моихъ измѣните въ желчь! Спустися мрачная ночь, и облекися въ непроницаемый дымъ ада! дабы кинжалъ мой не видѣлъ своего удара, и дабы взоръ неба не проникъ сквозь шемный покровъ и гласъ его не вопилъ: стой! стой!“ — Въ дверяхъ является Макбетъ — взгляните на картину — и сіи супруги, не сообщая другъ другу своихъ мыслей, одинъ другаго понимающъ и единодушно

дѣйствующѣ. Удивительная симпатія преснугленія!

VII.

Подобно пухнику, который, проходя дикую спрану, окруженную скалами и пропастями, угрожающими опасностью, радуется восходящему солнцу, озаряющему прекрасную долину улыбающейся природы, (духъ человѣческой, упомиленный созерцаніемъ мыслей возникающихъ и созрѣвающихъ во мракѣ сокровенности, вкушаетъ нѣкоторое отдохновеніе при зрѣлищѣ невинной природы, окружающей замокъ Макбета, на сей картинѣ, сказалъ Г. Гоунъ и поднялъ занавѣсъ. Небо ясное, воздухъ чистый и теплый, согрѣваемый послѣдними лучами заходящаго солнца; все тихо и спокойно, и вънѣрокъ не колебленъ и листка древеснаго. Король Дунканъ съ своими Принцами и придворными прибылъ къ замку, и оживленный побѣдою своихъ полководцевъ, и довольный изліяніемъ на нихъ своихъ милостей, наслаждается прелестями природы, восхищается прекраснымъ мѣстоположеніемъ замка и предается пріяти-

нымъ впечатлѣнїямъ. И вторая жертва, Банко, сопровождающій Короля, наслаждается невинностью природы. Сей храбрый полководецъ, поражающій враговъ опечесива, съ удовольствїемъ взираетъ шупъ на гнѣзда ласточекъ подъ кровлею и во впадинахъ замка, и какъ другъ и знашокъ природы замѣчаетъ, что гдѣ сїя ипичка водился, тамъ воздухъ чище и теплѣ.

Тишина сей сцены вливается и въ душу зритель. Но горестнымъ чувствомъ оправляетъ спокойствїе душевное — размышленїе, что безвѣтрїе на морѣ предшесствуетъ бурѣ. И шупъ природа, пока еще не свершилось пресупленїе, безмятежна, красуется и улыбается; но грозно возстанетъ она, когда ударъ въ невиннѣйшую грудь обогрѣетъ лицо земли кровью священной, и будетъ свирѣпствовать противъ людей, нарушившихъ ея покой. И когда Король, вышедшую къ нему на встрѣчу Леди Макбетъ и пригостившую уже кинжалы, съ любезностью добрѣйшаго человѣка, опводитъ во внутренность замка, то невольно воспоминаетъ о значенїи ласточекъ свившихъ шупъ гнѣзда свои, можетъ быть, надъ окнами самой Леди Макбетъ. Дреж-

все безвредное суевѣріе покровительствуетъ сіе невинное швореніе; а Дунканъ, сей благодатный Государь, не находящій для себя защиты, и замокъ, коего положеніемъ онъ столько восхищался, дѣлается вертепомъ разбоя и смертоубійства.

Взгляните еще разъ на сію прелестную картину! ибо сія сцена есть послѣдній взоръ улыбающейся природы. Солнце попомъ скрывается, удары слѣдуютъ за ударами, вѣтры воютъ, земля содрагается, гробы отверзаются, пѣни скипаются, ужасныя воспоминанія гнетутъ жизнь, и на неизмѣримомъ пространствѣ, надъ которымъ царилъ Ангелъ Губитель, подавлены развалинами все радости жизни.

VIII.

Теперь взгляните, сказалъ Г. Гоунъ, подошедъ къ слѣдующей картинѣ и открывъ занавѣсъ, взгляните на сидящаго здѣсь въ своихъ покоехъ Макбета и стоящую предъ нимъ супругу его. Какая противоположность въ обѣихъ фигурахъ! — Макбетъ, погруженный въ глубокія мысли, разсуждалъ съ самимъ собою о —

смертоубійствѣ, о послѣдствіяхъ онаго, о возмездіи и судѣ, о убіеніи и неубіеніи Дункана, и заключивъ словами: „Нѣтъ! нѣтъ для меня побужденія, свершить намѣреніе, кромѣ одного честолюбія, возносящагося съ одной стороны до высочайшей точки, чтобы съ другой низвергнуться въ бездну!“ бросается, какъ бы въ опчаяніи, изнеможенный въ кресла. Посмотри-трише! глава его поникла къ груди, лицо нѣсколько блѣдное, полуоткрытые глаза устремлены въ землю, во всей фигурѣ видно какое-то душевное расслабленіе. Въ семъ положеніи находивъ его вошедшая Леди, и онъ обращается къ ней съ прозбою: „Оставимъ это дѣло! далѣе не пойдемъ! онъ меня недавно украсилъ почестями! злосе я спяжалъ мнѣніе въ народѣ о себѣ! Сей новый блескъ такъ скоро помрачать не должно!“

Макбетъ, безъ сомнѣнія, обуздалъ бы свою преступническую спрасъ; ибо стремленіе къ внѣшней чести у него подчинено высшей мысли. Но онъ находился подъ вліяніемъ своей супруги, которая окружала его какъ могущественный злой духъ. Понятіе, которое о сей

Леди имѣютъ, не со всѣмъ справедливо. Обыкновенно представляющъ себѣ, что Леди Макбетъ не иное что, какъ олицетворенное честолюбіе въ высочайшей снѣпери, что она, для пріобрѣтенія короны, рѣшается на все, даже самыя ужасныя средства. Это конечно такъ; даже еще болѣе; можно сказать, что она испребила бы одну половину земли, чтобы завладѣть престоламъ другой половины. Но—и тутъ вся глубина характеристикки, и источникъ того вліянія — не для себя одной, но для него, для любимаго ею супруга. Она могла бы разперзашъ, какъ пигрѣ, всѣхъ людей ему прошившихся; но его, супруга своего, который, въ сравненіи съ нею, крошкѣй, нѣсколько къ меланхоліи склонный левъ, она дѣйствительно любитъ. Въ немъ же сія любовь имѣетъ характеръ великій, сильный, и соединяется и соплетается со всѣми жилами и нервами его жизни, и переходитъ чрезъ сіе самое въ слабость. Ужасные супруги находясь въ нѣкоторомъ проглательномъ спраспномъ отношеніи; и Леди только чрезъ сіе спраспное волненіе венуется въ жизнь; въ прошивномъ случаѣ

она была бы безъ физіогноміи, и какъ бы одно только понятіе ужаснѣйшаго порока. Честнолюбіе безъ любви есть нѣчто холодное, прагматическое въ Французскомъ вкусѣ, и неспособное возбудить великій интересъ. Тупѣе же она любовь еще проглательнѣе пѣмъ, что она царствуетъ въ супружествѣ, и такой пропивуположенный вѣсѣ нуженъ былъ для неимовѣрнаго преступленія, учиненнаго сею чешою, дабы они могли еще явиться людьми погибающими, а не совершенными діаволами.

Вся прагедія говоритъ о сей любви, она является въ словахъ и дѣлахъ, и слово „*my dearest love*“ коимъ Макбетъ привѣтствуетъ свою супругу, не безъ значенія; ибо вездѣ оказывается, что она для него дѣйствительно то, чѣмъ онъ ее называетъ. Когда Макбетъ проситъ не приводить въ исполненіе своего намѣренія, то она, удивляясь иному, какъ можно столь легко отказываться отъ своихъ надеждъ, другого упрека не имѣетъ, какъ: теперъ я знаю, какъ Макбетъ любитъ! Даже и ея послѣдній опытъ, его воспламенить, укоризна въ малодушіи, какое бы она имѣла дѣйствіе изъ успѣ

не любимой?—досаду, гнѣвъ, или холодное на-
 поминовѣніе одержанныхъ побѣдъ; ничего болѣе.
 Здѣсь же сѣи два упрека какія производящѣ
 дѣйствія! На послѣдній Макбетъ отвѣчалъ ве-
 ликимъ, незабвеннымъ словомъ: „я на все отва-
 жусь, что прилично мужу; кто далѣе идетъ,
 тотъ не мужъ!“ Онъ сѣе слово вѣрно во всемъ
 его объемѣ обдумалъ; не менѣе того онъ отважи-
 вается на такое дѣло, на какое не долженъ бы
 рѣшаться ни какой мужъ; но не для одного, „зо-
 лоатаго вѣнца“ а болѣе для супруги своей, копорой
 онъ, любя ея, пропивиться не можетъ. И ужас-
 ное его слово, когда онъ, увлеченный убѣжде-
 ніями супруги, восклицаетъ: „не рождай мнѣ
 дочерей!“ сему не пропивурѣчипъ; ибо ему
 нравится ея необузданное (*undaunted*) сердце.
 Ее и себя онъ уже теперь считаетъ нѣкопю-
 рымъ образомъ исключеніями, чувствуя, что
 только онъ можетъ любить ее, она только
 его. — Макбетъ обольщенный адо́мъ, оправлен-
 ный любовью супруги, увлеченный собствен-
 нымъ честолубіемъ, подавилъ внутреннюю боръ-
 бу; и поднялся — чтобы посягнуть на жизнь
 своего Государя.

IX.

Намѣреніе Макбета было невозвратно рѣшительное и мы видимъ его, на сей карпинѣ, уже на пути къ Королю, ожидающагося только условленнаго знака, звона колокольчика. Состояніе души его ужасное! Въ сердцѣ его истреблены, кажется, всѣ лучшія чувства, и новое доказательство благоволенія Королевскаго, сей часъ имъ пушѣ же полученное, не въ состоянїи — хоть на время остановить его злодѣяніе. Его окружающѣ ночь и ночная тишина, въ его груди также ночь, но вмѣстѣ и спрашная буря! Воображеніе его пылающѣ, онѣ видитѣ въ воздухѣ кинжалѣ съ кровавыми каплями, вызываетѣ къ землѣ, чѣобы она не внимала его шагамѣ и чѣобы камни не выдали его тайны; колоколѣ ударилѣ; и Макбетѣ — идетѣ къ своему дѣлу.

X.

Леди Макбетѣ, не только участница, но главная виновница смертоубійства, усыпившая царедворцевѣ, приготовавѣ кинжалы, мучимая любопытствомѣ, а можетѣ быть и рѣшившаяся

сама совершить предпринятое злодѣяніе, еблй Макбетомъ овладѣетъ малодушіе, что заключивъ должно изъ словъ ея „покушеніе, а не свершенное убійство погубитъ насъ,“ гонимая страхомъ неудачи, вышла изъ покоевъ своихъ, и прислонила ухо къ дверямъ, подслушивая, что внутри происходитъ.

XI.

Поднявъ занавѣсъ слѣдующей крпйны, Тупъ, сказалъ Г. Гоунъ, убійство уже свершено, Макбетъ вышелъ съ кинжалами въ рукахъ. Леди Макбетъ его разспрашиваетъ.

Злодѣяніе свершилось. Какъ? — о томъ ни слова; ибо сіи сцены были всегда предметомъ всеобщаго удивленія, и геніальность поэта дѣйствуетъ тутъ съ такою рѣшительною превозмогающею силою, что никто ей пропивитъ-ся не можетъ. Если Макбета, до совершенія пресупленія, превозжило честолюбіе, то теперь, по совершеніи онаго, мы видимъ его гонимаго всѣми фуріями совѣсти. До совершенія онъ видѣлъ воздушный кинжалъ, потому что чувствовалъ его въ себѣ; во время совершения

Онѣ слышашъ голосъ, безъ сомнѣнія голосъ его собственной совѣсти, раздававшійся споль сильно внутри, что онѣ слышался ему извнѣ. По выходѣ изъ комнаты убійства ему слышались еще голоса; первый взоръ его устремлялся на окровавленные его руки, и въ каждомъ словѣ его видимъ мы живѣйшую картину ужасной сцены и возрастающаго его разкаянія. Онѣ совершилъ первое преступленіе и ужаснѣйшее; сіе злодѣяніе, какъ убійственный ядъ, растворяетъ крѣпкую его душу, и онѣ дѣлается мягкимъ и безсильнымъ, какъ дитя. О своей безонасности онѣ не помышляетъ, и помышлять не можетъ въ такомъ состояніи; картина кровавой сцены его преслѣдуетъ и преисполняетъ его душу и его воображеніе, и онѣ останавливается на прогнательной идеѣ сна, въ которомъ онѣ убилъ Дункана. „Мнѣ слышалось, шепчетъ онѣ своей супругѣ, „мнѣ слышалось: не спите! пробудитесь! идетъ Макбетъ, губитель сна! сна невиннаго! сна беззащитнаго! сна священнаго! истребителя заботъ, крѣпителя силъ, воскресителя жизни, сна изцѣлителя сердецъ скорбящихъ!“ и т. д. Въ пре-

вогъ душевной онъ вынесъ съ собою и кинжалы, которые, по замѣчанію Леди Макбетъ, надобно опнести назадъ; но ужасное сознаніе учиненнаго преступленія, раздирающее его сердце, и впечатлѣніе спрашной сцены, наводя на него ужасъ, лишаютъ его бодрости и силъ; безъ дѣйствія остаются слова Леди Макбетъ: „Малодушный! спящіе и мертвые супъ только карпины.“ Макбетъ устремляетъ глаза на окровавленные свои руки и теряется въ пучинѣ мрачныхъ мыслей, созерцая бездну предъ нимъ зіяющую. У воротъ спучатся — онъ содрогается; Леди Макбетъ возвращается, но ея бодрость не переливается въ его душу; у воротъ сильнѣе спучатся, Макбетъ неподвиженъ, и напоминовенія супруги, помыслить о своей безопасности, тщетны; опять спучатся, Леди проситъ удалиться; Макбетъ какъ бы симъ спухомъ пробуждается, и какъ громовые удары раздаются его слова: „О! горестное сознаніе тяжкой вины!“ и потомъ при новомъ сильнѣйшемъ спукѣ: „Пробуди мнѣ Дункана! о еслибы ты это могъ!“

Кто такія можетъ имѣшь чувства, и въ эту спрашную мину, когда случались у во-рошъ и все дѣло могло быть открыто, не по-мышляетъ о своей опасности, а только же-лаетъ, чтобы сѣи удары могли пробудить мерт-ваго, пошъ не лицемѣрь, и можно бы даже сказа-ть, что только привычка жить и твердо-стоять какъ герой, поддерживающъ его въ сѣю мину. Она его поддерживаетъ, чтобы его послѣ низринуть. Теперь онъ въ вѣчной враж-дѣ съ самимъ собою.

Не въ такомъ состоянн Леди, по крайней мѣрѣ теперь. Адъ ей не являлся, ее не оболь-щаль ложными предсказаннми, стремленн ко всякому пресупленн въ собственномъ ея серд-цѣ; она посягаетъ на все, что можетъ дове-сти до цѣли. Однако она смѣлѣе говоритъ, не-жели дѣйствуетъ, хотя она, когда Макбетъ спрашиваетъ самого себя, какъ чего-то нечи-стаго, кажется довольно знаетъ свою душу, чтобы никогда самой себя не бояться. Между тѣмъ какъ онъ, осматривая кровавыя свои руки, поражается симъ „горестнымъ зрѣлищемъ;“ ме-жду тѣмъ какъ онъ, чувствуя что никогда болѣе

* 2

не можетъ молиться, въ изнеможеніи, шепчетъ „за чѣмъ же я не могъ сказать аминь?“ Она между тѣмъ чувствуетъ только опасность мгновенія, и заботится, все ли успѣшно совершено. Между тѣмъ какъ онъ навсегда опка- зывается отъ сна, сего бальсама жизни; и всѣ воды Океана почитаетъ недостачными для смыва крови съ его рукъ; она, возвращаясь изъ комнаты убившихъ, съ легкомысленною дер- зостью говоритъ: „Не много воды очистишь это дѣло!“

Шекспиръ, выводя на сцену такой ужасной характеръ, не забылъ однакожь, что онъ изо- бражаетъ человѣчество. Дунканъ кажется ей презрительнымъ, и она можетъ быть преду- предила бы медлящаго своего супруга, и сама поразила бы жертву смертельнымъ ударомъ; одно обстоятельство остановило ея лютость: сходство Дункана съ ея родителемъ. По спра- ведливости удивляюща сѣ черта и искусству поэта. Не взирая на то, ея безбожная, легко- мысленная дерзость въ сѣ сценѣ была бы про- пивуестественна, если бы не ясно выражалось, что она находится теперь въ судорожномъ со-

стояній. Это замѣчается особенно изъ ся почти низкихъ, гелыхъ и сухихъ выражений, столь противныхъ ся прежнимъ папешическимъ рѣчамъ, на пр. въ ся отвѣтъ, когда Макбетъ вздыхая осматриваетъ свои руки: „глупая мысль, сказать, горестное зрѣлище!“ (*a foolish thought, to say a sorry sight*). Еще замѣчательнѣе однако то, что въ пенирешней бурѣ и пенирешнемъ еще только земномъ страхѣ отражается предчувствіе ся будущаго безконечно бѣдственнаго состоянія, въ словахъ: „Такія дѣла, по совершении, не должно такъ разсматривать. Это можетъ насъ свести съ ума.“

XII.

Сцена поубіеніи Дункана, сказалъ Г. Гоунъ, поднявъ занавѣсъ слѣдующей картины. Разсвѣтъ. Мѣсто то же, но на сѣмъ мѣстѣ спеклись все: Макдуфъ и Леноксъ, Макбетъ и Банко, Малкольмъ и Дональдбайнъ и Россъ. И Леди Макбетъ въ обморокѣ.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Король убитъ, ударили въ набатъ. Макбетъ является первый на сценѣ, ибо онъ вспрѣчасъ Макду-

фа, пришедшаго разбудить Короля. Состояніе его уподобляется сильному волненію моря послѣ ужасной бури. Онѣ, кажется, собрался съ духомъ; но каждое слово, кромѣ придуманныхъ для опклоненія онѣ себя подозрѣнія, есть оппечатокъ душевнаго его состоянія; и въ истиннѣ его чувствѣ сомнѣваться не лзя, когда онѣ, вышедши съ Россомъ изъ комнашы убивыхъ, восклицаетъ: „О еслибъ я хоть за часъ предѣимъ оставилъ свѣнѣ, я умеръ бы щасливымъ.“ Онѣ завидуетъ состоянію мертваго, и жалуется, что долженъ оставаться въ жизни, копорая, имѣ оскверненная, сдѣлалась пустою и безопрадною. Но онѣ только эту жизнь и имѣетъ; смерти же онѣ недостоинѣ, и это онѣ чувствуетъ до конца. Эти чувства столь же истинны, какъ и то слово, коимъ онѣ отвѣчаетъ Леноксу. Леноксъ говоритъ ему: „Эта ночь была ужасная! гдѣ мы спали, сорвало крышу; и, говорятъ, слышанѣ былъ въ воздухѣ визгъ и вой смерти; зловѣщая пища кричала всю ночь; и земля, сказываютъ, была въ судорожномъ движеніи.“ Макбетъ отвѣчаетъ: „Да, эта ночь была ужасная!“ ужасная въ его емы-

слѣ, а не въ смыслѣ Ленокса. — И относительно Леди, Поэпъ поступилъ весьма справедливо. На звонъ ксолокола является на сценѣ и она, и какъ преумная грѣшница, произноситъ одно, но весьма умное слово: „Боже сохрани! какъ! въ нашемъ домѣ!“ и упадаетъ въ обморокъ, не припворный, но дѣйствительный, поелику шѣлесныя ея силы пушъ уже истощились.

Взглянемъ теперь, сказалъ Г. Гоунъ, на жертву, копорая сдѣсь пала, чптобы поспигнуть всю силу злодѣянiя. Король Дунканъ изображенъ съ великою свободою и понкоспiю. Онъ человекъ любезный, крошкiй, съ живымъ чувспвомъ любви и природы; но онъ не полководецъ и вообще не воинъ. По сему онъ и не участвуетъ въ сраженiи, въ копоромъ кровь проливается за его корону. Не лзя не улыбнуться, когда онъ, при повѣспованiи окровавленнаго воина о Норвежскомъ Королѣ, припекшемъ на помощь бунповщикамъ, спрашиваетъ: „Не испугались ли наши храбрые полководцы, Макбетъ и Банко?“ Мы улыбаемся, но не мѣе того его любимъ.

Дунканъ ни король, въ полномъ смыслѣ слова, ни герой; но опличается чертою свойственною королю — герою: онъ находивъ опраду въ благодареніи. Его благодарносіе можно назвавъ почти спрасною, онъ является чувствительнымъ, но никогда изнѣженнымъ, и всегда пріятнымъ. По чему онъ иначе и не называется, какъ *благодатнымъ*, наименованіе, коего дѣйствіе никогда не перается, напротивъ всегда имѣетъ высокое значеніе.

Самъ Макбетъ, хотя онъ безъ сомнѣнія подъ часъ и не безъ ироніи взираетъ на невоинственный духъ Короля, не дерзаетъ никогда выражать сихъ мыслей словами; напротивъ онъ смотря на это съ надлежащей почки и чувствуетъ почти нѣжную привязанность къ Королю. Предъ совершеніемъ злодѣянія онъ самъ себя говоритъ, что онъ его вассалъ, родственникъ, хозяинъ. Но ничто его такъ не шрогаетъ, какъ добродѣтели Короля, кротко царствующаго и неукоризненно исполняющаго высокія свои обязанности. Онъ останавливается на сей мысли и говоритъ самому себѣ, что прошивъ его ужаснаго злодѣянія возстанутъ

добродѣтели Дункановы, какъ Херувимы съ громкими трубами; онъ мечпаетъ, что ссспраданіе, какъ нагое новорожденное дитя (*like a naked newborn babe*) нисходитъ съ небесъ, и извлекая слезы изъ глазъ всѣхъ добрыхъ, воспламеняетъ яростію сердца всѣхъ пропивъ убійцы беззащитнаго. Все сіе онъ говоритъ, но одно умалчиваетъ: Дункановы лѣта приближающіеся къ лѣтамъ спарца. О семъ обстоятельствѣ, совершенно доспапочнѣмъ обуздавъ льва и обезопасивъ овцу, онъ не смѣлъ шеперь напоминать ни себѣ, ни намъ; ибо только въ забвеніи сего обстоятельства можемъ мы найти возможность пресупленія. Но мы не должны оставлять въ безизвѣстности на щотъ спарости Дункана, и Макбетъ самъ изображаетъ намъ спарца въ ужасной прогашельной картинѣ. Онъ убилъ Королевскихъ чиновниковъ, чтобы навлечь на нихъ подозрѣніе и наложить на нихъ печать вѣчнаго молчанія. По справедливости Макдуфъ спрашиваетъ его, за чѣмъ онъ ихъ убилъ? и Макбетъ, описывая для собственнаго оправданія сцену убійства, говоритъ между прочимъ: „тутъ лежалъ Дунканъ, сер-

брянный его волосъ, обогранный златою его кровью“ и пр. Теперь мы видимъ все злодѣянїе вполнѣ; мы все узнали; но все въ свое время. Теперь уничтожается и легкая улыбка, игравшая прежде на устахъ нашихъ; ибо спарцу позволено и не участвовать въ сраженїи, которое за него проливаетъ кровь; спарцу проспительно спросишь: не испугались ли наши полководцы? —

ХІІІ.

Слѣдующая сцена, внѣ замка, гдѣ видны Россъ, одинъ спарикъ, и Макдуфъ, знакомивъ насъ съ произшествїями послѣдовавшими за открьпїемъ убиенїя. Мы узнаемъ, что распространяется мнѣнїе, что царедворцы убили Короля, по внушенїю его сыновей Малкольма и Доналбайна, копорые, для собспвеннаго спасенїя, тайно бѣжали, Малкольмъ въ Англію, Доналбайнъ въ Ирландїю, и тѣмъ возбудили противъ себя подозрѣнїе; что Макбетъ провозглашенъ Королемъ, и отправился на коронацію въ Сконъ, а тѣло Дунканова отвезено въ Колмескиль. Дай Богъ, заключающъ Макдуфъ сіи извѣстія, „дай

Богъ, чѣобы мы, въ новомъ платьѣ, не пужали
по старомъ!“

XIV.

Макбетъ достигъ своей цѣли, сказалъ Г.
Гоунъ, поднявъ занавѣсъ слѣдующей карпины.
Корона на его головѣ! Но съ нимъ вмѣстѣ воз-
еблѣ на престолѣ адъ, и въ сердцѣ его нѣтъ
мира. Какъ пресупникъ онъ ни мѣсту, ни лицу
никакому не довѣряетъ; измѣнникъ самъ, онъ
думаетъ, что всѣ ему измѣняютъ; убійца самъ,
онъ думаетъ, что окруженъ убійцами. Онъ всего
спрашивается, и малѣйшее — возбуждаетъ его
подозрѣнiе. Изъ всѣхъ же смертныхъ Ванко-
попъ, который гсѣхъ болѣе его тревожитъ;
онъ для него спрашенъ, какъ по характеру и
уму его; такъ преимущественно и по тому, что
и ему представительницы ада вѣщали, — вѣщали,
что онъ будетъ родоначальникомъ Королей.
Самъ же онъ наспавилъ, какъ домогаться ко-
роны. — „На мою главу, говоритъ онъ, надѣ-
ли онъ безрадостный вѣнецъ! въ мою руку вло-
жили онъ бесплодный скипетръ! мнѣ не наслѣ-
дуетъ сынъ, и царскій жезлъ украситъ не родъ

ственную мнѣ десницу. Такъ для него, для Банковыхъ потомковъ, для нихъ я осквернилъ себя и свое сердце? для нихъ убилъ Дункана, благодарнаго, для нихъ влилъ ядъ въ свой миръ, и душу продалъ аду? для нихъ? чинобъ ихъ возвестъ на тронъ, и имъ опдасть и скиптръ и корону? — Нѣтъ! нѣтъ, сего не допущу! вѣстуй, Судьба, въ кровавую борьбу со мною! — И вотъ! въ дверяхъ стоятъ два разбойника, ожидающіе его повелѣнія убить Банка.

Сей Банко, котораго Макбетъ столько спрашиваетъ, на коего жизнь онъ посягаетъ, чинобъ утвердить за собою и племенемъ своимъ престолъ; чино онъ? какъ представляетъ его позъ? Онъ есть характеръ свѣтлый, но, въ сравненіи съ Макбетомъ, не идеальный. Съ прямымъ умомъ, коего спрашиваетъ Макбетъ, онъ соединяетъ и личную храбрость и теплую вѣру; сердце его чисто и пупи его честны. Онъ участвовалъ въ побѣдахъ надъ врагами опечества. И ему представительницы ада вѣщали; но онъ сему явленію не вѣритъ; пораженный однакожъ исполненіемъ первыхъ предсказаній, между тѣмъ какъ уже мысль о убійствѣ, какъ

пѣнь, омрачаетъ воображеніе Макбета задумавшагося, онъ какъ-бы предостерегаетъ самого себя, говоря: „Спранно! — но часто, чѣмъ низвергнувъ насъ въ погибель, изходипъ истина изъ челюстей ада; манипъ пустой мечпою, и вовлекаетъ насъ въ ужасныя послѣдствія!“ Макбетъ, въ темную ночь, взываетъ къ землѣ, чѣмбы она не выдала его шаймы, и вооруженный кинжаломъ ожидаетъ только знака; Банко, претовожимый возмущительными сновидѣніями, отдавая мечъ свой сыну, „попухли,“ говоритъ, „огни на небеси!“ и моитъ объ удаленіи пресупныхъ мыслей. Веселость его съ убіеніемъ Короля вовсе исчезаетъ; и подозрѣніе на Макбета въ душѣ его возникаетъ. Онъ борется съ самимъ собою. Но едвали справедливо по мнѣнію, что будто онъ не хочетъ вѣрить сему подозрѣнію и что онъ никакъ не можетъ убѣдись въ томъ, чѣмбы Макбетъ, храбрый его соратникъ, могъ учинить такое злодѣяніе, и въ доказательство приводятъ то, что онъ остается у него и не присоединяется къ бѣжавшему Принцу, даже принимаетъ приглашеніе

на вечерній пирѣ. (*) Напротивъ Банко, коего наблюдательный умъ въ каждомъ словѣ выражается, который Макбету, желавшему посовѣтоваться съ нимъ на щопѣ оныхъ предсказаній, отвѣчаетъ: „приму совѣтъ твой, коль честь моя и совѣсть чрезъ то не помрачатся,“ Банко, въ наблюдательномъ умѣ коего, по убіеніи Короля, блеснуло подозрѣніе на Макбета, въ сценѣ, когда ударили въ набатъ и всѣ стеклись, не удостоиваетъ Макбета ни слова ни взгляда, съ твердостью и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ говоритъ: „Я содрагаюсь отъ догадки! — Надо мною рука Божія!“ Уваженіе къ Макбету исчезаетъ вмѣстѣ съ довѣренностію, и призванъ будучи во дворецъ къ новому Королю Макбету, онъ въ краткомъ монологѣ говоритъ: „Ты достигъ чего желалъ и что пророчеспвовалъ адъ! Ты Гламисъ, Кавдоръ, и Король! безчестную пы, кажется, игру игралъ! однако бытъ мнѣ, такъ сказано, родоначальникомъ Королей! И если онъ правду предрекли; то для чегожъ и мнѣ надежды не питать?“ — По чемужъ онъ оспаетъ

(*) См. Shakspeare's Schausp. erl. v. Fr. Horn. Ч. I. Стр. 49 — 101

ся? онъ остается по тому, что еще не принялъ никакого рѣшенія, по тому что онъ питаеиъ надежды, по тому что надъ нимъ рука Божія, по тому что онъ безстрашный воинъ, по тому что онъ не видитъ для себя опасности, не поспигая измѣнившагося Макбета кровожадное коварство. — Онъ питаеиъ надежды? и такъ онъ вступаетъ на то же поприще, которое Макбетъ совершилъ? — Никакъ! онъ надѣется, ожидаетъ, что предсказанія сами собою исполнятся, если судьбѣ такъ угодно; но онъ самъ исполненію не содѣйствуетъ и содѣйствовать не намѣренъ! Кажется, онъ чувствуетъ, что святыня и чистота Короны, оскверненной преступленіями, только тѣмъ и могутъ быть возстановлены, если она явится опять на главѣ, не похитивъ престола, но избраннаго промысломъ.

XV.

Слѣдуя за Макбетомъ въ покои его супруги, сказалъ Г. Гоунъ, и открывъ слѣдующую картину, мы видимъ какъ его тревожитъ мысль, что онъ не можетъ быть безопаснымъ на пре-

столъ своемъ, доколѣ живѣ Банко, доколѣ живы пѣ, которые могутъ возстать противъ него. Спрахъ его преслѣдуетъ всюду, имѣ оправлены и яспва его и сонѣ. „Да сокрушится мѣръ, восклицаетъ онѣ въ опчаянїи, и возвращипся покой! лучше къ убишому присоедиинпся, нежели душевной пынки вѣчныя терпѣть мученья!“ и потомъ: „О! душа моя наполнена скорпїонами!“ Сколько онѣ Банка боипся, доказываетъ и по обспояшельсшво, что онѣ пресипѣ свою супругу опличить его предѣ прочими. Сїя сцена замѣчательна еще и пою черпою, о которей я прежде упомянулъ, черною любви. Мы видимъ здѣсь супруговъ, спяжавшихъ корону, въ первой разѣ однихъ. Вслушайтесь въ ихъ рѣчи! замѣтите, какъ Леди спарается разогнать мрачныя его мысли, и сколь живо онѣ признаетъ ся любви преисполненную заботливостъ, съ какою она просипѣ „избѣгать уединенїя.“ И въ его опвѣтѣ, когда Леди спрашиваетъ о второмъ преступленїи, которое еще должно совершиться, заключается вся любовь его: „*Be innocent of the knowledge, dearest chuck, till you applaud the deed!*“ (будь не-

виinna незнаніємъ, дражайшая супруга; возрадуйся, когда оно свершится!) Что можешь сей великій въ своемъ родѣ, любовью руководимый грѣшникъ сдѣлать болѣе, какъ учинять новые грѣхи для и за нее? Онъ хочетъ, чтобы она наслаждалась плодами, онъ хочетъ подвергаться наказанію и испытать всѣ мученія совѣсти, которыя онъ чувствуетъ всегда еще до преступленія; онъ не хочетъ, чтобы она болѣе грѣшила, онъ будетъ грѣшить за нее.

XVI.

Вотъ и второе преступленіе! сказалъ Г. Тоунъ, при слѣдующей картинѣ, которая представляла мѣсто предъ вратами дворца, и трехъ разбойниковъ, убивающихъ Банка, коего сынъ спасается. Мы должны видѣть убіеніе Банка, чтобы понять явленіе его духа за пиршественнымъ столомъ. Но послѣ приготовленій для убіенія Дункана, смерть его не можетъ и не должна занимать много мѣста. И какъ онъ долженъ пасть отъ руки разбойничей, то и нѣтъ тутъ никакой торжественности; разбойники не разсуждаютъ, приготовленій не дѣ-

лаютъ. Банко, приближаясь съ сыномъ своимъ къ
воробьямъ, говоритъ: „Ночью пойдетъ дождь!“—
„Тебѣ на голову!“ (*it will be rain to night!*—
Let it come down!) кричитъ разбойникъ вы-
скочившій изъ засады, и повергаетъ его ударомъ
на землю. Флеансъ, сынъ Банковъ, между тѣмъ
какъ всѣ кинулись на опца, спасается бѣг-
ствомъ.

XVII.

Слѣдующая картина представляетъ знаме-
нитую сцену явленія Банкова духа за пирше-
ственнымъ столомъ.

Не знаю, Милордъ, есть ли на свѣтѣ вто-
рая сцена, которая бы такой вселяла ужасъ и
на яву и въ воображеніи! Тупъ, кажется, По-
этъ коснулся послѣдней границы возможнаго.
Представьте себѣ торжественный пиръ, мо-
жетъ быть, по случаю возшествія на престолъ;
представьте себѣ Макбета, не полководца, спо-
явшаго грудью за отечество, но Макбета Ко-
роля, короля преступника, принужденнаго улы-
баться и подъ личиною веселости скрывать
сердце, раздираемое скорпіонами; представьте

себѣ Макбета, не храбраго и безстрашнаго
 война, но вѣнценосца содрагающагося при ма-
 лѣйшемъ спукѣ, Макбета лишившагося сна и
 бродящаго съ мыслями о умерщвленіи тѣхъ,
 кои ему спрашны; представьте себѣ Макбета,
 среди веселой толпы гостей, съ сознаніемъ но-
 ваго злодѣянія, коего кровавое доказательство
 ему тупѣе же явилось на лбу разбойника у две-
 рей! — Сей Макбетъ улыбаясь приглашаетъ
 гостей своихъ къ веселію; сей Макбетъ сожа-
 лѣетъ объ отсутствіи дражайшаго гостя Бан-
 ка — Банка! — и преисподняя возвращаетъ сво-
 ихъ мертвыхъ, и Банко, кровавыми ранами обе-
 зображенный, на мѣстѣ Макбетовомъ!! Съ сло-
 вами „сполѣ полонъ!“ Макбетъ, который одинъ
 видя сего духа, обьятый ужасомъ сего ви-
 дѣнія, забываетъ все его окружающее и дохо-
 дитъ до изступленія. Отчаяніе разторгаетъ
 всѣ узы и предѣлы! мертвый сдираетъ съ него
 личину, и изъ устъ его вырываются ужасныя
 слова: „прежде, когда мозги были выбиты, че-
 ловѣкъ умиралъ, и все кончалось. Нынѣ они
 выходятъ изъ своихъ тробовъ съ дванадцатью
 смертельными ранами на черепѣ, и стоняютъ насъ

съ нашихъ мѣстъ! Это удивительнѣе нежели смертоубійство!“ Ни одинъ изъ сидящихъ за столомъ Лордовъ не можетъ болѣе сомнѣваться, чтобы тупъ не крылось ужасное преступленіе!

Доколѣ еще возможно остановить изступленіе сокрушеннаго его сердца, Леди испытуетъ все, что можетъ женская хитрость и ловкость въ такомъ случаѣ. Но когда все тщетно, когда госпи, принявъ извиненіе, что съ Королемъ случился обыкновенный припадокъ, разошлись, тогда мы видимъ паки ту любовь, о которой мы прежде упомянули. Изливаетъ ли Леди свое неудовольствіе? укоряетъ ли она его, что онъ ей измѣнилъ, вывелъ все наружу, и сдѣлалъ ее несчастною? Напротивъ, Леди не оскорбляя его ни малѣйшимъ упрекомъ, спокойно признавая сдѣланное невозвратнымъ, напоминаетъ ему только съ нѣжностію, что ему недостаетъ вдохновенія всѣхъ существъ, „сна,“ и хотя онъ и знаетъ, что спать не можетъ, поскольку онъ спящихъ погубилъ и сонъ; однако онъ позволяетъ себя опвесити ко сну, какъ упомянутое дитя.

XVIII.

Человѣку, споль глубоко опустившемуся въ кровь, что онъ ни къ прежнему соспоянью возврѣтитъ, ни впередъ иппи не можетъ, помогаеиъ адъ, къ которому онъ и самъ при-бѣгаеиъ. Въ сей дикой странѣ, покрытой темнымъ небомъ и громовыми пучами, видимъ мы опять оныхъ чудовищъ ада. Гекапа, царствующая надъ ними, не языческая *Diva Triformis*, но бабка новѣйшаго діавола, повелѣваеиъ имъ, чарами опуманить Макбета, чтоиъ онъ, пре-мебрегая судьбою и смертию, въ слѣпой увѣренности низвергнулся въ давно ожидающую его бездну.

XIX.

Убиеніе царствующаго лица, бѣгство законнаго наслѣдника, возшествіе на престолъ новаго Короля, не суть дѣла частныя, это дѣла государственныя, касающіяся всего народа. Какое же дѣйствіе, спросяиъ, произвели все сїи произшествія на народъ? И на сей вопросъ Шекспиръ не забылъ отвѣчать. Послѣ открытія убиенія Короля, мы видимъ низшую часть

народа, пораженную симъ событіемъ, занимающуюся ужасными явленіями возмущившейся въ ту ночь природы, и онѣй спарикъ (см. сцену XIII) есть какъ бы представительной части народа, не участвующей въ выборъ Короля, но ожидающей только великихъ переворотовъ, предзнаменуемыхъ самою природою; по чему Лордъ Россъ съ симъ представителемъ народа, о другомъ и не разсуждающъ, какъ только о страшныхъ явленіяхъ въ природѣ; высшая же часть народа, Лорды, обманутые хитросплетеніями Макбета, подозрѣвая бѣжавшихъ Принцевъ въ смертоубійствѣ, избрали королемъ — убійцу. Такъ и въ сей сценѣ, сказалъ Г. Гоунъ, поднимая занавѣсъ слѣдующей картины, видимъ мы Ленокса и одного Лорда. Какъ тамъ спарикъ былъ одинъ изъ народа, лицо неопредѣленное, но опголосокъ народа, такъ тутъ сей Лордъ, лицо также неопредѣленное, одинъ изъ Лордовъ, unus e multis, представитель благородной части народа, и мы узнаемъ изъ устъ его, что явленіе Банкова духа, или лучше сказать — ибо они духа не видѣли — собственнаго изступленія Макбета, открыло имъ на-

стоящее положеніе дѣла; узнаемъ совершенное негодованіе Лордовъ на *тирана*, и что Макдуфъ отправился въ Англію, для упрошенія Малкольма, законнаго наслѣдника, объ освобожденіи опечества отъ чудовища и о принятіи престола, и что Макбетъ, узнавши о томъ, готовился на войну. И не только сословія Лордовъ опклонились отъ Макбета, но пропавъ него уже и приближенные его, каковымъ, безъ сомнѣнія, является здѣсь Леноксъ, тотъ самый, который сопровождаетъ Короля къ адскимъ вѣщательницамъ и докладываетъ о прибытіи вѣстовыхъ.

XX.

Взгляните, сказалъ Г. Гоунъ открывъ свѣдующую картину, въ сію мрачную пещеру, освѣщенную тусклымъ свѣтомъ, гдѣ около пылающаго кошла собрались адскія чудовища. — Макбетъ, мучимый неизвѣстностію будущаго, ищущій помощи у ада, припекъ сюда и требуетъ новыхъ предвѣщаній. Ему, спрашиваемуя Макдуфа, какъ и Банка, и пайно желающему освободиться отъ него, какъ онъ освободился отъ

Банка, является съ громовыми ударами сперва собственный его страхъ въ видѣ вооруженной головы, совѣщающей „осперегайся Макдуфа!“ Довольно для кровожадной его недовѣрчивости. За симъ является кровавое дымя, возбуждающее его къ неуспрашимости и предрекающее, что „рожденный отъ жены ему не повредитъ!“ Потомъ дымя въ коронѣ и съ вѣпвью въ рукѣ, пророчествующее, что онъ пребудетъ непобѣдимъ „пока Бирнамскій лѣсъ не двинется на Дунзинанскія высоты.“ Сіи два предсказанія преисполняющъ его слѣпой увѣренности и опаснѣйшей самонадѣянности. Душа его проясняется; онъ даже веселъ, онъ никого болѣе не боится. Однако сія веселость не смягчаетъ его сердца, и онъ „чтобъ спать спокойно и при ударахъ грома“ рѣшается убить Макдуфа. Онъ твердъ на своемъ престолѣ!—Но вотъ! является и Банко, ненавидимый Банко, какъ родоначальникъ Королей! за нимъ сіи самые короли, одинъ за другимъ, изъ коихъ послѣдній, осьмой, держитъ въ рукѣ зеркало, отражающее другой предлинный рядъ королей. Банко улыбаясь Макбету, указываетъ на нихъ, какъ на своихъ по-

потомковъ! — Явленія исчезаютъ, за ними и адскія чудовища съ сатанинскою иронією. Макбетъ внѣ себя! Корона на немъ горитъ, престолъ подъ нимъ колеблется, и скипетръ тяжелей: Веселость духа исчезаетъ, и адское мщеніе пылаетъ въ немъ, когда въ еѳю минутому доносятъ, что Макдуфъ удался въ Англію.

XXI.

Макдуфъ, первый изъ Лордовъ Шотландскихъ, изображенъ Шекспиромъ въ живѣйшемъ созерцаніи. Онъ изъ преданныхъ своему Государю первый, который видитъ убитаго Дункана, первый, который Макбету дѣлаетъ вопросъ, котораго сей ему никогда простишь не можетъ. Хотя онъ и не совсѣмъ увѣренъ въ преступленіи Макбета, однако сей въ глазахъ его виновенъ уже тѣмъ, что завладѣлъ престоломъ, принадлежащимъ Дункановымъ сыновьямъ. По сему онъ и не присутствуетъ при коронаціи, удаляется къ своему семейству въ Фейфширъ, не являясь по приглашенію новаго Короля на званый миръ, и удаляется въ Англію къ на-

елѣдному Принцу Малкольму. Леди Макдуффъ. еѣ дѣшми осталась одна. На сихъ беззащитныхъ нападаеѣ люпый Макбешѣ. Лордѣ Россѣ, явившись къ ней, желаеѣ ее предостеречь, но болѣе ничего не смѣеѣ сказать, какѣ „чтобѣ она взяла перѣѣные“ и наконецѣ разпроганный, благословивѣ ея малюпку, спѣшиѣ уйти, чтобѣ болѣе не огорчаѣ несчастной. Поѣомѣ являеѣся другой вѣспѣникѣ, который, скрывая свое имя, говориѣ о горестныхъ предчувствѣяхъ, совѣпуеѣ ей бѣжаѣ, и самѣ немедленно бѣжиѣ. Такѣ сѣя несчастная жена покинутая однимѣ — и другимѣ — и трепѣимѣ; и беззащитный зѣмокѣ, кажеѣся, станоѣится все болѣе и пространѣе, спрашѣе и пусѣе. И входяѣѣ два разбойника! и „бѣдная ппичка,“ — наѣкъ маѣѣ въ печали называла своего малюпку, и бѣдная ппичка, слабая, беззащитная, смѣло — однакожѣ защищаеѣ родителя своего, котораго разбойникѣ называеѣ измѣнникомѣ; что пѣѣмѣ прогашельнѣе и прѣяшнѣе, что прежде маѣѣ и сынѣ сѣ горькою. улыбкою его пѣѣмѣ же называли. Но пупѣ и конецѣ бѣдной ппичкѣ! Не много стоиѣѣ произиѣ маленькое сердце, и

Слѣдныя его усна совѣщаютъ только матерю бѣжать. Она спасается, разбойникъ за ней и намъ кажется, что мы видимъ, какъ она бѣжитъ по длиннымъ пространнымъ ходамъ и переходамъ замка и наконецъ изнеможенная, она и дѣщи ея, подъ ударами разбойничихъ щожей, упадающъ.

XXII.

Только теперь, сказалъ Г. Гоунъ, открывъ, слѣдующую картину, въ Англіи, предъ лицомъ законнаго наслѣдника Малкольма, узнаемъ мы отличный характеръ Макдуфа. Онъ покинулъ и супругу и дѣшей, конечно не предвидя ихъ нещастія; но онъ покинулъ ихъ, не для своей безобасности, но для спасенія опечества. Не безъ умиленія соотримъ мы на беззащитную и ея малюшокъ; не безъ умиленія и на Макдуфа, который не безъ причины самого себя винитъ въ гибели своего семейства. И если онъ въ первой части сей сцены, пронутый бѣдствіями своего опечества, всю силу слова употребляетъ на убѣжденіе Малкольма, то онъ, когда Россъ приноситъ новыя извѣстія изъ Шотландіи.

дѣи, съ живѣйшимъ участіемъ разспрашиваетъ о своемъ семействѣ; узнавши, что всѣ убиты, и жена и дѣти и слуги, онъ, и прежде не почитавшій приговоренную уже войну междоусобною, проситъ небо, чтобы оно допустило его сразиться лично съ Макбетомъ, щипая уже теперь сраженіе съ нимъ судомъ Божіимъ. О глубокой его скорби, изливающейся въ словахъ: „у него нѣтъ дѣтей!“ и пр. упоминавъ не буду; онъ всѣмъ извѣстенъ. Искусство же, съ какимъ въ сей сценѣ изображены убѣжденія и опечаленіе Макдуфа, когда Малкольмъ самого себя обвиняетъ, двусмысленное прежде и наконецъ прямое извѣщеніе объ умерщвленіи всего семейства, догадки Макдуфа, возрастающая его горестъ, и мужественная рѣшительность, превосходящъ всякое описаніе.

Малкольмъ, Дункановъ сынъ, доставляетъ весьма пріятное зрѣлище, особенно если его сравнить съ опцемъ. Какъ сему, такъ и ему; кажется, природа дала нѣжныя чувства, и онъ былъ опкровененъ; но смерть отца произвела глубокое на него впечатлѣніе, онъ сдѣлался внимательнымъ, и въ сердцѣ его поселилась не-

довѣрчивость. Онъ и самъ не скрываетъ, что ему теперь трудно имѣть къ кому либо довѣренность, и кажется только благосклонность любящаго Англійскаго Короля Эдуарда, принявшаго его столь милосливо, спасло его сердце отъ совершенной оправы. Такъ приготовляетъ сѣя сцена, въ которой онъ, чтобы испытать преданность Макдуфа, обвиняетъ самого себя въ разныхъ порокахъ, истинно прагматическое впечатлѣнїе, переходящее въ сладостное умиленїе, когда онъ наконецъ показываетъ себя въ настоящемъ своемъ видѣ. Только такой Государь, долговременными спрдаванїями научившійся Христїанскому терпѣнїю и поспоянству, можетъ помочь бѣдствующему Государству. Военственный, къ внѣшней почести стремящійся, не былъ бы здѣсь у мѣста. Сверхъ того, мы слишкомъ обольщены прежнимъ геройствомъ Макбета, чтобы новый герой могъ выдержать сравненїе. Но путь не можетъ быть никакого сравненїя; ибо Малкольмъ не ищетъ славы военной, онъ хочетъ быть только спасителемъ и нѣжнымъ отцемъ своего народа.

XXIII.

Если уже одно время, не заключающее въ себѣ никакихъ происшествій, измѣняетъ чело-вѣка такъ, что онъ сравнивая себя съ самимъ собою въ протекшемъ времени, въ настоящемъ находить себя совсѣмъ другимъ; то какіе страшные перевороты должны послѣдовать въ сердцѣ и душѣ того, кто, не обуздавъ своей страсти, отважился на великое преступленіе, и тѣмъ сорвалъ преграду отдѣляющую добро отъ зла! Въ немъ гаснетъ одно свѣтило за другимъ, въ немъ ночь и онъ въ ночи, изъ которой нѣтъ возврата пути къ потерянно-му раю невинности. Одно только сознаніе тяжкой вины разправляетъ его душу, и ослабляя всѣ силы его, тѣснитъ подавленную жизнь въ могилу. Такъ видимъ мы на сей картинѣ и Леди Макбетъ. Сія жестокая, неукротимая — что она теперь? — Взгляните на сію несчастную, съ открытыми глазами спящую, во снѣ бродящую! Гдѣ ея грозныя рѣчи, которыми она увлекла супруга своего къ преступленію? гдѣ ея бодрость, которую она ему представляла въ примѣръ? гдѣ ея присутствіе духа

и ея ловкость, копорыя мы видѣли за пирише-
спвеннымъ споломъ? Ахъ! уже давно грозныя
рѣчи замолкли! давно уже бодрость исчезла, и
духъ ея оисусисвуенъ! По спяжаніи короны,
она спановишя все пирише, безмолвиѣ; только
присутствіе любимаго ея супруга, только заботы
объ укрѣпленіи прѣспшала, попеченія о супругѣ,
поддерживаютъ ее, и сей свѣтскій спрахъ при-
ступляетъ на время жало вышнихъ спраданій;
но по опбыптіи Макбета на войну, оставшися
одна, преданная уединенію, опъ котораго предо-
сперегала супруга, она не можетъ долѣе про-
пивустоять голосу совѣсти и угнетающимъ ее
мыслямъ; душевныя силы ея испощающя и она
впадаетъ въ спрашную болѣзнь. Она, копорая
уже давно вошла въ ночь, должна блуждать въ
ночи безъ сна и безъ утѣшенія. Она, губитель-
ница сна, должна бродить во снѣ, и уста ея,
открывавшіяся прежде только для умныхъ рѣ-
чей, выдають теперь ужасную тайну ея серд-
ца. Теперь все измѣнилось! Вода не смоешь
уже болѣе сего дѣла, и „всѣ ароматы Аравіи“
не очистишь ея руки! Теперь и она признаетъ,
что „адъ мраченъ“ теперь и она должна уно-

мануть о верхъ своего преступленія, о стар-
еши убившаго Дункана! „Кшобъ подумалъ, чп-
еширикъ имѣлъ такъ много крови (*Yet w/
should have thought the old man to have ha-
so much blood in him?*)

XXIV.

На слѣдующей картинѣ видны Шотланд-
скіе Лорды Менпетъ, Кашнесъ, Ангусъ и Ле-
нокъ, съ опрядами Макбетова войска, оппав-
шіе отъ Макбета и идущіе на встрѣчу Мал-
кольму, споявшему съ Англійскимъ войскомъ у
Бирнамскаго лѣса.

XXV.

Сія сцена, сказалъ Г. Гоунъ, открылѣ слѣ-
дующую картину, естъ послѣднее воспоминаніе
Макбета о своей супругѣ. Мы видимъ его,
какъ онъ, среди взбунтовавшагося государства,
оснавленный всѣми вассалами, не взирая на
такія обстоятельство, заботится болѣе о
спраданіяхъ своей супруги, нежели о бурѣ,
угрожающей ему, какъ Королю. Въ то время,
когда уже вся жизнь и вся земля лежатъ предъ

нимъ раздробленныя — и онъ самъ признается, что онъ имѣетъ только сію землю — даже и въ сіе время онъ чувствуетъ только глубокое, горестное, любви преисполненное состраданіе къ своей супругѣ, и въ семъ тонѣ, отличномъ отъ громopodobныхъ словъ его въ первой половинѣ пѣсы, онъ съ заботливостію спрашиваетъ о состояніи больной, и выражаетъ все свое участіе въ словахъ: „изгнали ее! не можешь ты быть врачомъ души больной? изгнать изъ памяти глубокую печаль? изгнать сидящую въ мозгу заботу? и сладко-усыпительнымъ противудіемъ очистить безпокойну грудь отъ бремени, сдавляющаго сердце?“ Это конечно одно горестное размышленіе; но въ немъ заключается все сердце; неудовлетворительно для пѣхъ, которые для каждаго выраженія любви требуютъ нѣсколько страницъ полновѣсныхъ и при всемъ томъ дешевыхъ ямбовъ; совершенно достаточное для того, который видитъ раздавленное сердце павшаго героя. — Получивши стращательный отвѣтъ, онъ говоритъ: „брось псамъ твоимъ лѣкарства“ и надевается броню, чтобы встрѣтить непріятеля.

XXVI.

Непріятель уже въ движеніи. По повелѣнію Малкольма, каждый солдатъ несетъ предъ собою вѣшью, сломанную съ деревъ въ лѣсу Бирнамскомъ, чтобы такимъ образомъ скрыть наступающее число войска.

Макбейтъ осажденный въ Дунзинантъ, получая озорчивыя извѣстія, одно за другимъ. При полученіи извѣстія о кончинѣ Королевы, онъ говоритъ: *she should have dy'd hereafter* и т. д. и сіи слова могутъ показаться холодными только тому, кто никогда не видалъ глубокаго и совершеннаго отчаянія. Онъ роется въ мрачной мысли *to-morrow, and to-morrow, and to-morrow*, и сіе ясно показываетъ человѣка, который, потерявъ дражайшее для него на свѣтѣ, лишился всего, и коего вѣра не простирается за могилу, или который страшился той спраны, и не можетъ соединиться съ ней надеждою. Съ супругой своей онъ все потерялъ. „Догарай свѣтильникъ! восклицаетъ онъ, что жизнь? тѣнь, которая пробѣгаетъ, фигляръ, шумѣвшій въ

сколько на сценѣ, и потомъ умолкающій! сказка, которую намъ глупецъ рассказываетъ, наменная пустыми словами и высокопарностію ничего не значущею! “ Вслѣдъ за симъ ему догадываютъ, что Бирнамскій лѣсъ двинулся съ мѣста. Тупъ онъ, въ первый разъ угадывалъ бессмысленность ада, рѣшается въ открытомъ полѣ умереть, какъ герой, съ мечемъ въ рукѣ.

XXVII.

И мы видимъ его, одушевляемаго предсказаніемъ, что рожденный отъ жены ему не поредишь, сражающимся какъ левъ. Но Макдуфъ, рожденный, а изъ утробы матери вырѣзанный, сражаетъ Макбета, и повергаетъ главу его къ стопамъ Малкольма, который именуется провозглашается Королемъ.

(Продолженіе впереди.)